
Е. С. МОЛЧАНОВА

НЕ ЗАБУДЬ: ANAZARET@YANDEX.RU

Кто-то из великих, кажется, Э. Хемингуэй, сказал, что писать очень просто: садишься за пишущую машинку и позволяешь сердцу кровоточить. Пафосно немного, но к моей ситуации подходит как нельзя лучше: мне никак не написать об Акопе Погосовиче без слез и без боли. Я не попрощалась, не видела его мертвым, мне не хватает скайпа и телефонных созвонов, последний из которых был буквально за неделю до его смерти.

С Акопом Погосовичем меня познакомил Арон Абрамович Брудный, оставив, по своей очаровательной привычке, у меня на столе статью о значении страха перед восставшими покойниками для социальной самоорганизации. Еще не дочитав первую страницу, я поняла, что обязательно познакомлюсь и поговорю с автором. Мы познакомились в Москве, первая встреча вышла неожиданно нелепой и оставила неприятный осадок, зато все последующие оказались очень теплыми: был какой-то непонятный для других стиль взаимодействия, который вполне устраивал нас обоих. Моя дочь, став как-то невольной свидетельницей нашей скайп-конференции, заметила: «Как мне нравится, когда вы ругаетесь! Интересно получается».

Моя психиатрическая работа и связанная с этим профессиональная деформация, вероятно, повлияли на мое восприятие: для меня он был гением с подростковыми, очень живыми, непостоянными эмоциями, быстрой сменой привязанностей, с великолепной зрительной памятью и плохим распознаванием лиц. Я как-то сказала ему, что у него редкое состояние, которое называется прозопагнозией – он просто не видит лиц, запоминая их по составленному описанию. Несколько раз он не распознавал лица людей, с которыми встречался, и с этим связан ряд чрезвычайно забавных воспоминаний.

Меня умиляло сочетание несоответствий: высочайшего интеллекта, с одной стороны, и трогательной неприспособленности к житейским проблемам – с другой, удивительные тексты, которые он создавал, и чтение «для души», включавшее детективы Мариной, его страсть к познанию темных сторон человеческой природы и невероятная доброта. Одним из самых удачных подарков, ко-

торые я ему привезла, стала книга о каннибализме, которую он читал после еды, рассуждая при этом об эволюционной необходимости подобного поведения. При этом даже фильм, включающий кровавые сцены, ему было тяжело смотреть. У него постоянно кто-то жил, он не переставал кому-то помогать, о ком-то заботиться. Наверное, среди его друзей нет человека, который бы не попробовал его знаменитую овсянку с кусочком батончика.

Мне нравилось, как он давал прозвища друзьям и коллегам. Эти прозвища всегда были образны. Так, один из наших уже общих друзей был им назван Мерцательной аритмией за свои внезапные появления. Я уверена, что Акоп Погосович мог бы стать популярным писателем, если бы выбрал себе другую жизненную стезю.

Я и сейчас представляю его сидящим на своей маленькой кухне, с карандашом или сигаретой в руке, рассказывающим о своих антропологических исследованиях в племени бывших людоедов, о подругах Че Гевары (и немного о своих). Он щедро делился. Именно от него я узнала о вертикали Снукса – Панова, именно он рассказал мне о всеобщей истории, у него в журнале я впервые напечатала статью о новом для себя направлении – эволюционной психиатрии.

Немногие знали о его дневнике, о том, что ему было напророчено умереть в 70 лет. Он не боялся смерти. Он не хотел старости. Узнав о своем диагнозе, он принял его с удивительным достоинством, думая прежде всего о других. Самым страшным для него было стать кому-то в тягость. Он шутил о рае и о преисподней, всегда повторяя, что, скорее всего, попросится в ад при условии, что рядом с ним в котле будут прекрасные грешницы.

Во время нашего последнего разговора он признавал неизбежность конца. При этом думал о тех, кого приручил. Ему хотелось дожить, успев как-то помочь и обеспечить всех, кому, как ему казалось, он был чем-то обязан. Это иллюзия. Счастьем было просто находиться рядом, слушать его, спорить с ним. Никогда не возникало ощущения, что рядом с тобой – великий человек, напротив, он вел себя как равный. Я пока не могу смириться с тем, что он ушел. Пока еще очень больно. Мне хочется верить, что, как он иногда говорил, «мы с тобой встретимся на Юпитере в другой жизни, когда ты поумнеешь и присмиреешь». Мне не нравилась эта фраза, хотя именно так он подписал мне свою последнюю книгу.

Мне не хватает знания, что он живет. Я знаю, что его нет. Но понять это пока не могу.